

Четвёртая дочь семьи Сюн и её супруг — с первого взгляда казались людьми тихими, простыми. Особенно Сюн Сы-нян — хоть ей и было всего двадцать четыре года, выглядела она на все тридцать четыре: лицо усталое, взгляд потухший. Оба они боялись Сюн Чжуаншаня, а с Тан Шоу разговаривали крайне робко, чуть ли не шёпотом, словно в любой момент ожидали окрика или выговора.

— Сколько вы хотите обменять сладостей? — спросил Тан Шоу, нарочно смягчив голос до предела. Но даже так Сюн Сы-нян вздрогнула от испуга, будто её окликнули резко. Потом, будто осознав, что пугается без причины, украдкой взглянула на лицо Сюн Чжуаншаня, и, столкнувшись с его суровым, резким выражением, тут же покраснела, у неё задрожали ресницы, и в глазах заблестели слёзы, словно вот-вот расплачется.

Сюн Чжу поспешил взять инициативу в свои руки, забрал у неё мешок с мукой:

— Невестка, четвёртая сестра хочет взять на три цзиня — можешь положить им три цзиня в коробку.

— Хорошо, — кивнул Тан Шоу. — Только имей в виду: пироги очень нежные, если по пути растрясёшь — развалятся, и тогда не продашь. Неси осторожно.

Муж Сюн Сы-нян — Сун Хуайцай — хоть и сам побаивался Сюн Чжуаншаня, но всё же собрался с духом, осторожно похлопал жену по плечу, стараясь её приободрить, а потом сам взял коробку с пирогами, низко поклонился и тихо сказал:

— Спасибо, невестка.

— Ничего, — мягко сказал Тан Шоу. — Мы же все одна семья. По дороге пусть твои старшие братья немного расскажут, как торговать. Не бойся — у нас сладости с добротных продуктов, готовим аккуратно, красиво, убыточными точно не будут.

Цай Сюэ, стоявший в стороне, тут же поддержал:

— Невестка, не беспокойтесь, я и сам поговорю с Сун эр-ланом. Хоть у меня и не такой опыт, как у старшего и третьего брата, но я тоже кое-что видел, кое-что понял — особенно после пары необычных случаев.

Сун Хуайцай, услышав всё это, только воодушевился. Ему братья уже рассказали, что за каких-то десять с лишним дней на продаже этих пирогов они смогли выручить больше трёхсот вэнь — такая сумма раньше ему и не снилась. Он подумал: если бы и я смог за десять дней заработать триста вэнь, мама бы больше не укоряла мою жену, а та перестала бы тянуть на себе всю работу по дому, выслушивая при этом все упрёки. И с этой мыслью в нём будто разом проснулась решимость — прямо силы прибавилось.

С началом участия Сун Хуайцая и родственников из семьи Цай, весть быстро разнеслась по всей деревне. Теперь каждый в деревне Синьхуа знал: тот самый страшный, грозный мясник Сюн Чжуаншань женился, и его супруг — хоть и шуаньэр, но настоящий мастер по части сладостей, причём таких, что приносят деньги. Говорили, делает пироги размером с детскую ладонь, продаёт по одному вэнь за штуку — и всё равно в Юйлине нарасхват, каждый раз продаётся подчистую.

Но так как люди боялись самого Сюн Чжуаншаня и в дом к нему не совались, то теперь просто дежурили у входа в деревню. Стоило увидеть кого-то с коробкой, как сразу кидались расспрашивать:

— Ну что, все пироги продал? Сколько вэней наторговал?

В этот момент кто-нибудь из вернувшихся, сияя от радости, непременно воскликнул:

— Всё распродал! Сегодня тридцать вэнь на руки, чистая прибыль, без учёта издержек!

— Ого! — поражались те, кто спрашивал. — Столько!

Все больше и больше людей шло к дому семьи Сюн, рискуя попасть под горячую руку самого Сюн Чжуаншаня, лишь бы получить партию пирогов. К счастью для них, у Сюн Чжуаншаня в последние дни всё ещё болела нога, и Тан Шоу строго-настрого запретил ему бегать туда-сюда, так что тот был вынужден сидеть в кресле. Но и сидя, с его угрюмым лицом и полными ярости глазами, он продолжал испепелять взглядом каждого, кто заходил за товаром. Посетители, выменяв свою партию, едва не обливались потом — и не от жары, а от страха. Но даже так поток желающих становился только больше. По сравнению со страхом перед Сюн Чжуаншанем, страх перед нуждой и голодом был куда сильнее.

— Как вкусно пахнет... Фулан, что ты опять готовишь? — Сюн Чжуаншань зашёл во двор. Его нога уже почти зажила, хоть и не до конца: тяжёлое нести пока не мог — вдруг шов разойдётся. Но по дому и двору уже мог ходить свободно.

Как раз в этот момент из кухни вышла новая партия сладостей. Тан Шоу сегодня приготовил два новых вида — хотя по сути, это было одно и то же, просто в разных вариантах: ореховое печенье. В северной версии — крупное, с хрустящей коркой, называлось да тао су; в южной — миниатюрное, нежное, под именем хэ тао су. Оба варианта сверху были посыпаны чёрным кунжутом.

— Попробуй, — сказал Тан Шоу. — Это моя новая выпечка — хэ тао су. Скажи, как на вкус?

— Раз ты делал, фулан, разве может быть плохо? — с готовностью отозвался Сюн Чжуаншань, одновременно и похвалив, и схватив одно печенье, чтобы тут же попробовать.

На этот раз сладости сильно отличались от прежних. Внешний слой оказался настолько хрупким и рассыпчатым, что при укусе раздался явственный хруст — такой звонкий, что сам по себе уже внушал аппетит. Когда начинал жевать, уши, казалось, тоже участвовали в этом наслаждении. Вкус грецкого ореха ощущался лишь слегка, не слишком явно.

Сюн Чжуаншань умял сразу семь штук подряд, прежде чем с неохотой остановился — вовремя вспомнил, что это ведь ещё и продавать надо.

— Фулан, это ты из тех орехов сделал, что пару дней назад велел Сюн Тэ с Сюн Чжу принести?
— с интересом спросил он.

— Ага, — кивнул Тан Шоу. — Ну, как тебе на вкус?

— Великолепно! Я в жизни таких сладостей не пробовал. Вроде из грецких орехов, но нет того тяжёлого, странного привкуса, наоборот — ароматно, сладко, вкус мягкий, нежный.

Тан Шоу самодовольно прищурился, глаза весело засияли:

— Ну конечно! Я тебе так скажу: хоть в чём другом я, может, и не лучший, но в еде — даже повара в императорской кухне могут позавидовать моим рукам.

Он тоже взял одно печенье и откусил — хрупкое, рассыпчатое, просто тает. Вкус — восхитительный. Но не успел он насладиться кусочком, как перед глазами вдруг стало темно — массивная фигура склонилась над ним. Голос Сюн Чжуаншаня прозвучал хрипло, почти жадно:

— Фулан, я не наелся... Хочу ещё попробовать. — и, не дожидаясь ответа, уже склонился и закрыл губы Тан Шоу своими.

Тан Шоу яростно забарабанил по спине Сюн Чжуаншаня, но с его хрупкой силой это было всё равно что комар укусил — Сюн Чжуаншань и бровью не повёл. Он только крепче обнял супруга, меняя угол, будто хотел «пробовать» ещё тщательнее, глубже, жаднее.

Лишь когда губы Сюн Чжуаншаня опустились на шею Тан Шоу, тот наконец вырвался и, хватая ртом воздух, сумел выговорить:

— Сюн Чжуаншань! Отпусти меня! Ты же только вчера это делал! Сегодня опять? У меня же спина скоро треснет!

Лишь после того, как Тан Шоу закричал не на шутку, Сюн Чжуаншань нехотя отстранился. Неизвестно, чего это ему стоило, но глаза у него покраснели, в них пылала плохо сдерживаемая ярость желания.

Тан Шоу смотрел на него с тем смесью страха и поражения, когда и хочется оттолкнуть, и язык не поворачивается, и рука не поднимается. В голове у него вдруг пронеслось одно слово — сексоголик. Да он и впрямь, наверное, скрытый сексоголик! Ни одного дня без... Ни одного! Ни одного выходного! Это же невыносимо!

Но их затянувшаяся близость была прервана стуком в дверь — кто-то пришёл менять сладости.

— Сюн-фулан, мне нужно пять цзиней! — раздался голос снаружи.

В последнее время люди приходили в дом Сюн часто, и хоть он по-прежнему был страшен на вид, никто уже не боялся, что он вдруг кинется с кулаками — всё чаще он просто сидел с тем своим грозным лицом и молча смотрел. Страх перед ним уже немного поистрепался.

Но сегодня в этом доме что-то было не так. Невестка — с ярко-красными щеками, заметив гостя, взглянул на него как на спасителя, юркнул мимо, как скользкий угорь, и исчез. А Сюн Чжуаншань смотрел на посетителя таким взглядом, будто тот вот-вот станет его следующим ужином. Глаза налились кровью, словно он - вполне настоящий зверь.

— Вот, — сказал Тан Шоу, протягивая коробку. — Пять цзиней.

— А... о... — человек схватил коробку и тут же, будто за ним бешеная собака гналась, рванул прочь со всех ног.

— Эй! — крикнул ему вслед Тан Шоу. — Завтра мы больше не принимаем клейкий рис! Кто хочет взять пироги — пусть несёт мёд, сахар или медные деньги!

Но человек уже был далеко, и непонятно, услышал ли он. Тан Шоу недовольно оглянулся и метнул на Сюн Чжуаншаня укоризненный взгляд:

— Мы, вообще-то, лавку держим. А ты со своей рожей! Глянь, как ты людей пугаешь! Бедняга так и помчался, как будто его собака погнала!

— Собака?.. Погнала?.. — медленно повторил Сюн Чжуаншань, глядя на него так, будто сейчас не удержится. В его глазах всё ещё бушевало неугасшее желание, потемневшее и плотное, как штормовое небо.

Тан Шоу сразу понял, к чему дело идёт, и тут же пошёл на попятную:

— Я ошибся! Не собака... медведь*! Медведь гнался, ага. Огромный такой медведь!

(ПП: иероглиф 熊 - это фамилия Сюн и слово «медведь»)

Не дав Сюн Чжуаншаню использовать это как повод для нового «приступа», Тан Шоу быстро отступил, потому что у дома начали собираться новые деревенские, пришедшие за товаром.

Один из них, заметив новую выпечку, с интересом указал на поднос:

— Эй, Сюн-фулан, это что новенькое? Что за вкуснятина? Как звать и почём?

Тан Шоу, всё ещё с улыбкой, быстро пояснил:

— Большие называются да тао су, маленькие — хэ тао су. Большие — по два вэня за штуку, маленькие — три вэня за две. А если брать оптом: пятнадцать больших за двадцать пять вэнь, тридцать маленьких — за сорок вэнь.

— Так дорого? — удивился человек.

— Да, дорого, — спокойно ответил Тан Шоу, — но это новое угощение. Сейчас в Юйлине продавцов сладостей стало много, старые вкусы всем поднадоели. А новое — хоть и дороже, зато всегда найдутся желающие попробовать.

Человек послушал и подумал: в этом, наверное, есть смысл. Только вот цена и правда кусалась. Он всё ещё сомневался, и, не решаясь взять много, решил попробовать сначала немного.

— А за да тао су можно расплатиться клейким рисом?

— Нет, — Тан Шоу покачал головой. — За да тао су рисом не берём. Можно яйцами, сахаром, мёдом или грецкими орехами. Если нет ничего — плати медными монетами.

— А? Почему? — человек опешил. Ведь кроме клейкого риса у крестьян почти ничего и нет. А мёд, сахар, орехи — всё это дорогие продукты, не в каждом доме найдутся. Без денег не купишь.

— А потому что риса у нас уже завались, — с улыбкой объяснил Тан Шоу. — Полные закрома. А вот вы, — он глянул на него прищурившись, — гляди-ка, сколько уже заработали. К кому не зайди — медяки звенят. Так почему бы и мне, кто всё это делает, не получить за свою работу несколько монет?

Человек замялся, засмеялся неловко, но в итоге ничего не взял — пожалел денег. Зато нашлись и другие, посмелее: брали по два, по три цзиня на пробу, чтобы проверить спрос.

Когда пришли Сюн Тэ и Сюн Чжу, на лотке осталось всего по три цзиня каждого вида. Братья, заметив это, почувствовали себя неудобно: будто второй брат совсем перестал считать их за родню. Ведь раньше, если появлялись новые сладости, о них вспоминали в первую очередь. А

теперь — нет. К тому же, из-за того, что в продаже стало участвовать всё больше людей, даже их собственный заработок стал снижаться. Раньше бывало — каждый по десять цзиней за день продавал, а теперь — с трудом удаётся сохранить планку в шесть-семь.

Но братья так ничего и не сказали — молча приняли. Они прекрасно понимали: у второго брата на сердце всегда была непростая обида на их семью, и уж надеяться на такую же близость, какая бывает между простыми родными братьями, было бы наивно.

Сюн Чжу, внешне оставаясь спокойным, с обычной улыбкой сказал:

— Невестка, тогда положи мне немного новой выпечки, я понесу в город, попробую, как пойдёт.

Но Тан Шоу вдруг сказал:

— Старший брат, третий брат, я тут с Чжуаншанем на днях посоветовался, и мы решили: пора бы уже научить вас делать те первые четыре вида пирогов. А мы с ним теперь сосредоточимся на печенье хэ тао су.

Сюн Тэ и Сюн Чжу, услышав это, испугались не на шутку, замахали руками:

— Нет, нет, невестка, это ни в коем случае нельзя! Эти пироги — основа вашей с братом жизни, как можно такое отдавать? Мы и так сейчас зарабатываем десятки вэнь в день — для нас это уже счастье, раньше о таком только мечтали.

— Об этом не думайте, — спокойно, но твёрдо сказал Тан Шоу. — Раз уж я решил передать вам рецепт — значит, не стоит ломать голову, будто вы забираете мой хлеб. У меня есть свои соображения.

Но как он ни уговаривал, братья всё равно отказывались. Они стояли на своём — не хотели принимать. Сюн Чжу даже в отчаянии обратился к брату:

— Второй брат, скажи же ты своему фулану, чтобы не делал этого! Мы не можем так поступать, не можем быть такими людьми!

Сюн Чжуаншань рявкнул:

— Хватит ломаться! Делайте, как сказал невестка. А если не хотите — тогда впредь и на порог не заходите.

Сдерживаемое весь вечер пламя желания в нём давно уже кипело, и теперь, не находя иного выхода, всё это обратилось в раздражение и гнев. Сюн Чжу сам нарвался — и разве мог в такой

момент ждать от брата мягкого слова?

Сюн Тэ и Сюн Чжу, лишь встретившись взглядом с Чжуаншанем, тут же сникли. Ни один больше не осмелился перечить.

Вернувшись домой, они рассказали обо всём матери. Та сперва обрадовалась, но тут же встревожилась, и, утирая краешком рукава глаза, чуть не прослезилась.

— А-Шань всё-таки не забыл про свою мать, — пробормотала она. — Такая прибыльная работа, а он вот взял — и отдал её нашей семье. Значит, всё же хранит в сердце наш дом.

Глава семейства кивнул:

— А-Шань — молодец, и фулан у него хороший. Ведь если бы тот не согласился, он сам бы не мог заставить его делиться. Всё-таки это его ремесло. Так что ты, жена, не ворчи больше на мальчика. Он — хороший.

Брови у Чжан-апо тут же затрепетали от стыда:

— Да не было ничего, чего ты выдумываешь...

Все в доме были умны — никто не стал вспоминать, как в самом начале Тан Шоу тратил деньги на сахар и мёд, а мать из-за этого сердилась, да так, что целую ночь глаз не сомкнула.

Изготовление сладостей по деревенским порядкам считалось женским делом или делом для шуаньэров. А в доме Сюн женщин хватало, так что позвали старшую невестку и пятую сестру — пусть учатся. Сами же Сюн Тэ и Сюн Чжу продолжили носить товар в город, думая: если в доме и женщины станут готовить, а мужчины по-прежнему будут продавать, доход только увеличится. А кто в деревне жалуется на лишние деньги?

На слух и на вид всё казалось просто, но стоило взяться за дело — сразу становилось ясно: у каждого свой огонь, своё чутьё, и вкус у каждого получался разный. Без практики не научиться, поэтому Тан Шоу распределил обязанности — каждой женщине дал отдельную задачу и велел поначалу готовить понемногу, чтобы «набить руку».

Хотя он сам стоял рядом и всё объяснял, всё равно на первых порах без неудач не обошлось. Что-то не так сварили — поделили между собой и съели.

Чжан-апо сильно переживала, чувствуя себя неудобно. Ей казалось, что всё, что испорчено — это убыток для семьи второго сына. Чем больше она об этом думала, тем скованнее себя чувствовала. А с такими мыслями и результат получался соответствующий — пароварка за пароваркой, и всё никак не достигнуть того уровня, что задавал Тан Шоу.

Каждый испорченный цзинь — это деньги на ветер. Прибыль-то невелика: с одного цзиня — всего семь-восемь вэнь, а вот себестоимость — в разы выше. Стоит испортить несколько порций — уже и не посчитать, сколько потеряно. Семья Сюн только начала дело, больших денег ещё не заработала, и такие убытки были им не по карману. Тан Шоу, видя это, решил пока не давать свекрови работать — пусть просто смотрит.

Такое состояние старшей в доме женщины привело в тревогу старшую невестку. Она и сама понимала — это единственный в доме источник дохода. Если теперь всё провалить, если отпугнуть невестку — когда ещё семья встанет на ноги?

Потому в один из вечеров она подошла к Тан Шоу и тихо сказала:

— Невестка, я за последние дни уже всё поняла. Позволь завтра попробовать мне. Состояние у мамы, боюсь, ещё долго не наладится, а каждый день — это лишние траты. Мне тоже тяжело смотреть, как всё уходит в никуда...

Чжан-апо привела старшую невестку учиться готовке не зря — и скрывать от неё ничего не собиралась. Поэтому Тан Шоу легко согласился. В конце концов, всё упиралось в то, что его свекровь из-за внутреннего давления не могла расслабиться: в каждом своём движении она видела вред для второго сына. Неудивительно, что с таким настроением и результат был плохой.

Тан Шоу кивнул:

— Хорошо. Завтра будешь делать ты.

*Печенье Да тао су ☐ ☐ ☐

Хэ тао су ☐☐☐

<http://bllate.org/book/13592/1205342>